

БИБЛІОГРАФІЯ.

О сродствѣ языка славянскаго съ санскритскимъ. Составилъ *А. Гильфердингъ*. Санктпетербургъ, 1853.

Г. Гильфердингъ составилъ книгу, въ которую часто будетъ заглядывать всякій занимающійся славянскими нарѣчіями сравнительно съ другими индоевропейскими языками. Скажемъ похвалу еще выше: эта книга должна быть переведена на французскій или нѣмецкій языкъ, потому что она заслуживаетъ быть извѣстною европейскимъ филологамъ. Впрочемъ, сочиненіе г. Гильфердинга не нуждается въ нашихъ похвалахъ: лучшая похвала ему то, что Второе Отдѣленіе Академіи Наукъ сочло его достойнымъ поощренія въ своихъ *Извѣстіяхъ*, потому что книга, лежащая передъ нами, только отдѣльный оттискъ изъ *Прибавленій* ко II тому *Извѣстій Втораго Отдѣленія Академіи Наукъ*.

Предоставляя самимъ *Извѣстіямъ* Втораго Отдѣленія и другимъ специальнымъ изданіямъ специальную критику подробностей, займемся только разсмотрѣніемъ метода г. Гильфердинга и общихъ его выводовъ изъ сравненій. Прекрасно написанное предисловіе значительно обогачаетъ трудъ нашъ. Справедливо замѣтивъ, что нѣмецкію филологи, при сравнительномъ изслѣдованіи индоевропейскихъ языковъ, обращаютъ на славянскій языкъ меньше вниманія, нежели онъ заслуживаетъ по своему богатству и по своей важности въ системѣ индоевропейскихъ языковъ, г. Гильфердингъ продолжаетъ:

«Пополнить нѣсколько этотъ недостатокъ науки языка, в принявъ за средоточіе изслѣдованій языкъ славянскій, какъ совокупность всѣхъ славянскихъ нарѣчій со всѣмъ лексическимъ и грамматическимъ ихъ богатствомъ, указать настоящее его мѣсто въ семьѣ индоевропейской и тѣмъ самымъ опредѣлить его отношеніе къ прочимъ языкамъ этой семьи: вотъ задача моего труда. Безъ сомнѣнія, она не можетъ быть рѣшена окончательно, съ одной стороны, по недостатку многихъ данныхъ, съ другой — по огромному количеству представляющихся обработкѣ матеріаловъ, предлагаемыхъ частію славянскими нарѣчіями, частію родственными имъ языками. Обиліе и разнообразіе этихъ матеріаловъ таково, что не было бы никакой возможности однимъ разомъ сравнить славянскіе языки со всѣми языками индоевропейскими и опредѣлить ихъ отношеніе ко всѣмъ имъ вмѣстѣ и въ каждомъ въ особенности: вмѣсто объясненія нѣкоторыхъ вооросовъ языковѣдѣнія, мы получили бы безобразный хаосъ. Потому я рѣшился раздѣлить свой трудъ. Въ каждомъ отдѣлѣ буду разсматривать отношеніе языка славянскаго въ одному изъ родственныхъ ему языковъ, или въ нѣсколькимъ, составляющимъ одно цѣлое.

«Наука даетъ языку санскритскому первое мѣсто въ семьѣ индоевропейской; ибо онъ, сокранивъ въ органической цѣлости свойства, являющіяся разсѣянно въ прочіихъ

ея членахъ, составляетъ, такъ сказать, средоточіе всей этой семьи. Потому сравненіе языка славянскаго съ санскритскія должно быть основою моего изслѣдованія. Оно составитъ первую часть его. За нинѣ должно слѣдовать непосредственно изученіе языка литовскаго, который, при непосредственномъ сходствѣ съ санскритскія, такъ близокъ къ славянскому, что недоумѣваешь, принять ли ихъ за два варіетя одного языка, или за два языка отдѣльные.

«Только когда опредѣлится отношеніе языка славянскаго къ санскритскому, можно будетъ приступить къ изученію отношеній его къ другимъ языкамъ индоевропейскимъ. Однако и тогда мы не станемъ сравнивать ихъ прямо съ языкомъ славянскія, а будемъ, по возможности, возводить соответствующія явленія разснотриваемыхъ языковъ въ общей коренной ихъ формѣ, которую большею частью предложить намъ языкъ санскритскій. Слѣдуя этому методу, мы узнаемъ, по какимъ путямъ разошлись сравниваемые языки, выдѣлившись изъ первобытнаго единства, и какимъ законамъ они подчинились. Такимъ образомъ изслѣдованіе мое не представитъ общаго сближенія языковъ славянскихъ съ прочими индоевропейскими, а будетъ состоять изъ ряда монографій. Въ первой будутъ изучены языки славянскій и литовскій въ сравненіи съ санскритскимъ; во всѣхъ другихъ будетъ являться съ одной стороны языкъ славянскій, съ другой одна или нѣсколько родственныхъ языковъ, и между ними, какъ начало связующее, общее обоимъ членамъ сравненія, языкъ санскритскій.»

Идея г. Гильфердинга прекрасна; нельзя было выбрать лучшаго пути; и съ этой стороны мы съ нимъ совершенно согласны: сличать языкъ славянскій съ одноплеменными ему языками поодиночкѣ, начиная съ санскритскаго — превосходная мысль. Но вслѣдъ затѣмъ у г. Гильфердинга излагается *per anticipationem* общій выводъ изъ его сравненія славянскаго языка съ санскритскія. Къ сожалѣнію, съ этимъ вывродомъ ужъ никакъ нельзя согласиться:

«Но кромѣ этой причины (что санскритскій языкъ *средоточіе* всѣхъ индоевропейскихъ языковъ, по превосходному выраженію г. Гильфердинга), которая заставляетъ ясаваго, занимающагося сравнительнымъ изученіемъ языковъ индоевропейскихъ, основывать свои выводы на санскритскомъ, есть другая, частная, по которой языкъ этотъ получаетъ особенную важность при научномъ изслѣдованіи языковъ славянскаго и литовскаго. Именно, изъ всѣхъ родственныхъ языковъ, славянскій и литовскій имѣютъ наибольшее сходство съ санскритскимъ: изслѣдованіе, которое мы предпринимаетъ, покажетъ, что нашъ языкъ гораздо ближе къ древнѣйшему языку отдаленной Индіи, чѣмъ къ языкамъ сосѣднихъ племенъ греческаго и германскаго. Этого свойства мы не замѣтаемъ ни въ греческомъ языкѣ, ни въ латинскомъ, ни въ итальскомъ, ни въ кельтскомъ, ни въ албанскомъ, и придемъ къ заключенію, что, кромѣ общаго родства между языками санскритскимъ, славянскимъ и литовскимъ, какое находится между всѣми языками индоевропейскими, существуетъ между ними родство ближайшее, семейное. Вотъ почему сравненіе славянскаго языка съ санскритскимъ и литовскимъ имѣетъ въ глазахъ моихъ особенную важность.»

Эту же самую мысль повторяетъ г. Гильфердингъ въ концѣ книги, какъ первый выводъ изъ своихъ сравненій (стр. 285):

«Языкъ славянскій во всѣхъ своихъ нарѣчіяхъ сохранилъ корни и слова, существующіе въ санскритскомъ. Въ этомъ отношеніи близость сравниваемыхъ нами языковъ необыкновенная. Какъ ни хорошо обработаны новѣйшими учеными прочіе языки европейскіе, однако ни въ одномъ изъ нихъ не найдено столько словъ, родственныхъ съ санскритскимъ, сколько случилось намъ открыть въ славянскомъ при первой попыткѣ изучать сравнительно его лексическій составъ; и можно смѣло сказать, что болѣе продолжительное и внимательное изслѣдованіе, соединенное съ новыми матеріалами, которые безъ сомнѣнія, предложены будутъ Ведами, а равно и нѣкоторыми славянскими нарѣчіями, теперь для насъ недоступными, развернетъ еще гораздо больше сближеній, чѣмъ мнѣ удалось здѣсь представить.»

Далѣ г. Гильфердингъ выражается еще рѣзче (выводъ 3):

«Языкъ славяненій, взятый пѣ совокупности, не отличается отъ санскритскаго всякимъ постояннымъ, органическимъ измѣненіемъ звуковъ... Это свойство раздѣляетъ съ нимъ языкъ литовеній, тогда какъ всѣ прочіе индоевропейскіе языки подчинились разнымъ звуковымъ заволакамъ, которые исключительно свойственны каждому изъ нихъ въ отдѣльности. Такимъ образомъ, въ дѣйствительномъ отношеніи, языки славянскій и литовскій находятся въ ближайшемъ родствѣ съ санскритскимъ, и вмѣстѣ съ нимъ составляютъ въ индоевропейскомъ племени какъ бы отдѣльную семью, внѣ которой стоятъ языки персидскій и западноевропейскіе».

Въ четвертомъ выводѣ представлены доказательства такого мнѣнія:

«Это ближайшее родство языковъ санскритскаго, литовскаго и славянскаго еще яснѣе доказывается тѣмъ, что въ нихъ равномерно развиты многіе звуки, чуждые прочимъ вѣтвямъ индоевропейскаго племени. Таковы въ особенности носовые звуки (славянскіе ж, ѡ, санскр. *anuvāga* съ предъидущею гласною; ан. *in, un*); с замѣняющее коренное к (санскр. *ṣ*); ч и ж и наконецъ г гласная (санскр. *ḡ*, слав. *ръ*). Всѣ эти звуки безъ сомнѣнія вторичнаго образованія, тогда какъ у прочихъ европейскихъ народовъ существуютъ только первичные. Это показываетъ, что сии послѣдніе удалились изъ древней родины своей, когда этихъ звуковъ еще не было. Славянскій же и литовскій языки далѣе развивались вмѣстѣ съ тѣмъ языкомъ, который, обособившись, получалъ названіе санскритскаго, и хотя по многимъ признакамъ видно, что, когда они выдѣлились изъ общей семьи, образованіе поименованныхъ звуковъ не было исполнѣ окончено, а отомъ еще продолжалось у санскритской отрасли отдѣльно, однако оно такъ глубоко проникло въ всѣ составъ, что успѣло всему ихъ звуковому организму придать особенное родство съ санскритскимъ.»

При всемъ жоланіи, не можемъ согласиться съ мнѣніемъ, доведеннымъ до такой крайности. Что изъ всѣхъ языковъ европейской отрасли индоевропейскаго корня, литовскій самый близкій къ санскритскому, это, кажется, достовѣрно; признано всѣми и то, что славянскій чрезвычайно близокъ къ литовскому: потому превосходно намѣреніе г. Гильфердинга заняться специально сравненіемъ славянскаго съ литовскимъ. Но если г. Гильфердингъ желаетъ, чтобъ наука приняла его мнѣніе о тѣснѣйшей связи славянскаго и литовскаго съ санскритскимъ, нежели съ европейскими языками, то онъ долженъ подтвердить это мнѣніе доказательствами гораздо болѣе строгими, нежели тѣ, какія находимъ въ его книгѣ; потому что его мнѣніе рѣзко противорѣчитъ прежнимъ выводамъ изъ сравненія языковъ. Теперь филологи думаютъ вотъ какимъ образомъ:

По степени родственности, индоевропейскіе языки дѣлятся на двѣ половины— азиатскую отрасль (санскритскій, зендскій, новоперсидскій) и европейскую отрасль (греческій, латинскій, германскій, литовскій, славянскій); каждый языкъ азиатской отрасли ближе къ другимъ языкамъ той же отрасли, нежели къ какому бы то ни было изъ языковъ европейской отрасли, а каждый языкъ европейской отрасли ближе къ другимъ языкамъ той же отрасли, нежели къ какому бы то ни было языку азиатской отрасли, не исключая и самого санскритскаго, хотя въ немъ уцѣлѣли формы корней и флексій въ наилучшемъ видѣ; родство санскритскаго съ европейскими языками ужъ не такъ близко, какъ его родство, напримѣръ, съ зендскимъ. Потому Гриммъ въ своей *Исторіи Нѣмецкаго Языка*, при сличеніи корней, довольно мало говоритъ о санскритскомъ, сосредоточивая свое вниманіе почти исключительно на европейскихъ языкахъ. Г. Гильфердингъ думаетъ иначе. Пересмотримъ его доказательства.

1) Носовые звуки существуют въ языкахъ санскритскомъ, литовскомъ, славянскомъ; въ другихъ родственныхъ языкахъ нѣтъ ихъ. Этотъ фактъ замѣченъ и Боппомъ въ его *Сравнительной Грамматикѣ* (стр. 7—11 и 1079); но изъ него не было выводимо такого заключенія, какое дѣлаетъ г. Гильфердингъ. Носовые звуки теперь существуютъ въ нѣмецкомъ и французскомъ, а между тѣмъ ихъ нѣтъ въ итальянскомъ: неужели изъ этого можно вывести, что французскій ближе къ нѣмецкому, чѣмъ къ итальянскому?

2) С замѣняетъ коренное к, санскритское ç: но санскритское ç замѣняется посредствомъ с и въ латинскомъ, и въ греческомъ, и въ нѣмецкомъ (смотри таблицу соответствія звуковъ у Потта, *Etym. Forsch.* I Theil стр. 82—83); особеннаго тутъ ничего не представляетъ славянская фонетика. Правда, въ латинскомъ, греческомъ и нѣмецкомъ ç замѣняется по однимъ з, а также и к; но посредствомъ к замѣняется оно и въ славянскомъ, по словамъ самого г. Гильфердинга (стр. 161).

3) Ч и ж соответвуютъ санскритскому tsh и dsh (замѣняемъ въ этомъ случаѣ значки г. Гильфердинга правописаніемъ Потта); но они замѣняются и въ новоперсидскомъ особыми звуками — tsh посредствомъ ч, дж, з; dsh посредствомъ з. Такое соответствіе не показываетъ еще болѣе продолжительнаго житія вмѣстѣ, а означаютъ только одинаковую любовь къ шипящимъ звукамъ, которая не развилась въ греческомъ и латинскомъ.

4) Гласная г санскрит. соответвуетъ славян. рь. Но санскритскій глухой звукъ является при одномъ г, потому гласная г дѣйствительно явленіе исключительное въ санскритскомъ; а славянское рь вовсе не одинокое явленіе: въ славянскомъ глухой гласный звукъ является при всѣхъ согласныхъ — бѣдѣти, вьнѣ, гьбенеже и т. д. Потому значеніе рь по то въ славянскомъ, какъ гласной г въ санскритскомъ.

На подобныхъ двухъ-трехъ сходныхъ явленіяхъ нельзя основываться. И въ греческомъ, и въ латинскомъ, и въ нѣмецкомъ найдется много такихъ случаевъ особеннаго сходства съ санскритскимъ. Нужно показать, что вся система славянской фонетики особенно близка къ фонетикѣ санскритской, если хотимъ доказать особенную близость санскритскаго и славянскаго.

Такъ и говорить г. Гильфердингъ, утверждая, что, за исключеніемъ нѣсколькихъ звуковъ, составляющихъ исключительную принадлежность санскритскаго, «мы получимъ въ двухъ сравниваемыхъ языкахъ (славяне. и санскрит.) систему звуковъ, почти одинаковую» (стр. 11). Чтобъ наню доказательство противнаго не было слишкомъ длинно, ограничимся однимъ вокализмомъ.

Но прежде намъ должно сказать, что г. Гильфердингъ представляетъ и общее доказательство близости славянскаго къ санскритскому, именно, что въ славянскомъ языкѣ нѣтъ ни одного случая органическаго измѣненія звуковъ, между тѣмъ, какъ во всѣхъ другихъ языкахъ звуки санскритскію подвергаются органическимъ измѣненіямъ (см. наню выписку). Противъ этого положенія должно сказать, что если г. Гильфердингъ считаетъ органическимъ измѣненіемъ въ греческомъ исчезновеніе полугласныхъ *j* и *v* между двумя гласными, то органическимъ же измѣненіемъ должно считать и постоянное йотированіе въ славянскомъ гласныхъ, стоящихъ въ началѣ слога. Такимъ же органическимъ измѣненіемъ должно считаться и смягченіе согласныхъ: (вмѣсто кореннаго нэ въ славянскомъ дѣлается

во (церков.-славянск. вѣ-ѣ), вмѣсто кореннаго лэ—ло (церк.-слав. лѣ-ѣ) и т. д. Доказывать, что это смягченіе различно отъ перехода санскритскихъ согласныхъ изъ одного разряда въ другой, мы считаемъ ненужнымъ.

Посмотримъ же, до какой степени нашъ вокализмъ близокъ къ вокализму санскритскому, въ которомъ отличительная черта — рѣшительное преобладаніе (по количеству) слоговъ съ первобытными гласными *а, и, у* надъ слогами съ гласными позднѣйшими и дьогласными. Беремъ древнѣйшее, ближайшее къ санскритскому славянское нарѣчіе—церковнославянскій языкъ.

Прежде всего раскрываемъ *Остромирово Евангеліе* и пересчитываемъ число разныхъ гласныхъ въ первомъ чтеніи («Въ качагѣ, по *Остр. Ев.*, искони бѣ слово»). Поправляя нѣсколько опнеокъ переписчика для востановленія церковнославянскаго вокализма во всей чистотѣ, и исключая иноязычныя слова (напр., *Иоанъ*), непринадлежащія нашей фонетикѣ, получаемъ въ 1-мъ чтеніи всѣхъ слоговъ или всѣхъ гласныхъ 411; въ томъ числѣ *а* 39, *и* 67, *у* 5 (считая йотированныя гласныя за одно съ нейотированными); всего первобытныхъ гласныхъ—111.

е 39, *о* 74; всего гласныхъ вторичнаго образованія, общихъ почти всѣмъ языкамъ—113;

э 62; *ь* 42; всего глухихъ гласныхъ 104;

ы 41; *ы* 17; всего спеціально-славянскихъ чистыхъ гласныхъ позднѣйшаго образованія 58;

а 17; *ж* 8; всего ноговыхъ гласныхъ 25.

Такимъ образомъ первобытныя гласныя удержали за собою въ церковнославянскомъ только четвертую часть слоговъ.

Не говоримъ о томъ, что готскій вокализмъ гораздо ближе къ санскритскому въ этомъ отношеніи; посмотримъ еще на латинскій вокализмъ, и, для избѣжанія упрека въ произвольности, беремъ первыя строки первой цецероновой рѣчи (рго *P. Quinctio: Quae ges... regitimesco*). Въ 109 первыхъ слогахъ находимъ:

а 18; *і* 29; *и* 8; всего первобытныхъ гласныхъ 55.

е 27; *о* 23; *æ* 4; всего гласныхъ вторичнаго образованія и дьогласныхъ 54.

Въ латинскомъ вокализмѣ первобытныя гласныя занимаютъ половину слоговъ; въ церковнославянскомъ только одну четверть: латинскій вокализмъ гораздо ближе къ санскритскому, нежели славянскій.

Г. Гильфердингъ можетъ возразить намъ: я говорю о корняхъ, вы принимаете въ счетъ и флексіи; во флексіяхъ первобытныя гласныя исчезли, въ корняхъ сохранились. Въ отвѣтъ беремъ *Radices* Миклошича (Корнесловъ церковнославянскаго языка) и считаемъ гласныя въ корняхъ на буквы *б, в, г, д*.

Всѣхъ гласныхъ въ этихъ корняхъ 286. Изъ нихъ:

А 51; *И* 21; *У* 18; всего первобытныхъ гласныхъ 90 — только третья часть. Нѣсколько больше сохранились гласныя первобытныя въ корняхъ, нежели во флексіяхъ—это правда; но все таки сохранились онѣ довольно плохо. Число санскритскихъ корней съ гласными вторичнаго образованія совершенно ничтожно поредъ числомъ керней съ *а, и, у*.

И такъ, пока не представитъ г. Гильфердингъ болѣе убѣдительныхъ доказательствъ, наука не можетъ принять его мнѣнія и остается непоколебимымъ

результатъ, выведенный нѣмецкими филологами изъ ихъ сравненій и высказанный Гриммомъ такъ: «Нѣмцы, Славяне и Литовцы должны были оставаться долго вѣстѣ по отдѣленіи своемъ отъ остальныхъ народовъ индоевропейскаго племени; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ славянскій языкъ въ тѣснѣйшей связи съ греческимъ» (*Исторія Нѣмецкаго Языка*, стран. 14). Мы должны продолжать думать, какъ думали до появленія книги г. Гильфердинга: ближайшая связь у славянскаго и литовскаго языковъ съ нѣмецкимъ; болѣе отдаленная съ греческимъ; еще дальше родство ого съ лативскимъ. Съ санскритскимъ языкомъ разстались всѣ европейскіе языки гораздо прежде, нежели совершенно отдѣлились другъ отъ друга, и потому далеко отошли отъ него; но онъ чрезвычайно важнъ для объясненія корней и флексій этихъ языковъ, далеко непохожихъ на него, потому что обыкновенно въ гораздо большей, нежели они, первообразности сохранилъ онъ смыслъ и форму корней и флексій.

Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію метода г. Гильфердинга, предоставляя критику частныхъ его выводовъ спеціальнымъ трудамъ.

Прекрасна его идея сравнивать славянскій языкъ поочередно сначала съ однимъ, потомъ съ другимъ языкомъ, а не со всеми вдругъ индоевропейскими языками, чтобъ не запутаться въ хаосѣ отъ избытія матеріаловъ. Намъ кажется, что книга его была бы еще лучше, еслибъ онъ съ такой же осторожностью ограничилъ и другой элементъ своего сравненія—славянскій языкъ, какъ ограничилъ одинъ, выбравъ изъ всей массы родственныхъ языковъ санскритскій. И самыя сравненія и выводы его изъ этихъ сравненій приобрѣли бы гораздо болѣшую степень достовѣрности, еслибъ онъ ограничился только несомнѣнно древними и несомнѣнно славянскими корнями, то есть взялъ бы за основаніе своихъ сравненій не прямо все богатство лексики всѣхъ славянскихъ нарѣчій, а одни только тѣ корни, которые находятся или въ церковнославянскомъ языкѣ, или, если не находятся въ немъ, то существуютъ въ нѣсколькихъ славянскихъ нарѣчійхъ. Намъ кажется, что, желая подыскать какъ можно болѣе славянскихъ словъ, сходныхъ съ санскритскими, и для того вводя въ кругъ своихъ сравненій всѣ слова, употребляемые Славянами, онъ былъ иногда вовлекаемъ въ ошибки чрезвычайнымъ богатствомъ своего матеріала, слишкомъ еще мало разработаннаго.

Ограничимся немногими примѣрами.

Амбаръ онъ производитъ (стр. 13) отъ санскр. *ambajāmi*, коплю, собираю. Но *амбаръ* (правильнѣе *анбаръ*) — чисто арабское слово, перешедшее къ намъ отъ Татаръ, подобно словамъ сходнаго значенія «казна» и «сундукъ». *Якшаться*, которое отмѣчено въ *Областномъ Словарѣ* какъ вологодское, но которое употребляется на всемъ востокѣ Россіи, производитъ онъ отъ санскр. *jaksh*, чтить (стр. 39): оно происходитъ отъ татарскаго «якши» хорошій, другъ. Подобныхъ словъ арабско-татарскаго происхожденія много возведено г. Гильфердингомъ къ санскритскимъ корнямъ. Велико-русскіе областные говоры, особенно говоры восточныхъ провинцій, приняли много такихъ словъ, и г. Гильфердингъ не всегда ихъ остерегался.

Желаніе найдти сходство между славянскимъ и санскритскимъ словомъ часто не оставляетъ автору времени опредѣлить истинный корень слова. Такъ болгарское *до-суишъ*, «совершенно» онъ относитъ (стр. 32) къ санскритскому

суша, сила, между тѣмъ, какъ оно происходитъ отъ прилагат. «сухой» (до суха, до дна), а не отъ какого нибудь особеннаго корня. Такъ же точно сибирское «шатость», «измѣна», относить онъ (стр. 37) къ корню śath, обманывать, между гѣмъ, какъ оно произведено отъ глагола «шатать, шататься» (непостоянство, шаткость въ словѣ). «Дыльница», арханг. слово = подойникъ, сравнено имъ съ санскр. dṛuṇi, ведро (стр. 94), между тѣмъ, какъ оно происходитъ отъ корня «донть» (=доильница, он=ы, какъ въ «цынать» вм. помять).

Вообще должно замѣтить, что г. Гильфердингъ очень часто останавливается на готовой формѣ слова, нерѣдко испорченной, не отыскивая корня его. Часто бываетъ онъ слишкомъ смѣлъ въ своихъ сравненьяхъ. Намъ кажется, что безпристрастные знатоки дѣла согласятся съ нами и въ томъ, что желаніе какъ можно болѣе сблизить славянскій языкъ съ санскритскимъ заставляеть г. Гильфердинга часъ прибѣгать къ натяжкамъ. Скажемъ наконецъ, что, по просмотрѣ книги г. Гильфердинга, невольно рождается мысль, что онъ писалъ ее не столько съ цѣлью изслѣдовать, до какой степени славянскій языкъ близокъ къ санскритскому, сколько съ цѣлью доказать, что славянскій *необыкновенно близокъ*, ближе нежели всѣ другіе индоевропейскіе языки, къ санскритскому.

Мы высказали свое мнѣніе о слабыхъ сторонахъ сочиненія г. Гильфердинга: выскажемъ и свое общее о немъ мнѣніе. Но прежде изложимъ содержанію книги. Г. Гильфердингъ не касается грамматики: онъ ограничивается фонетикою и сравненіемъ словъ. Прежде всего представляетъ онъ списокъ словъ совершенно одинаковыхъ по звукамъ и въ славянскомъ и въ санскритскомъ; потомъ разсматриваетъ правильные и неправильные переходы однихъ санскритскихъ звуковъ въ другіе сходные славянскіе звуки. Каждый изъ отдѣльныхъ сравнивающихъ списковъ сопровождается общими относящимися къ нему объясненіями, выводами и замѣчаніями.

Сочиненіе г. Гильфердинга свидѣтельствуетъ прежде всего о чрезвычайной любви его къ своему предмету, которая одна могла заставить его съ такою ревностью заботиться о всевозможной полнотѣ матеріаловъ: онъ успѣлъ вполне воспользоваться для своихъ сравненій даже *Областнымъ Словаремъ*, который напечатанъ всего за нѣсколько мѣсяцевъ до появленія его книги; мало того, онъ воспользовался даже тѣми матеріалами, которые, по недавности присылки ихъ въ Петербургъ, еще не вошли ни въ какое изданіе Академіи и Географическаго Общества. Не боясь ошибиться, если скажемъ, что до послѣдней корректуры продолжалъ онъ пополнять свои списки... Наука можетъ разчитывать на такого добросовѣтнаго дѣятеля.

Какъ полно воспользовался г. Гильфердингъ всѣми матеріалами для славянской части своихъ списковъ, такъ же хорошо изучилъ онъ и сочиненія западныхъ филологовъ, такъ что стоитъ совершенно наравнѣ съ современнымъ положеніемъ науки. Потому съ нами иногда можно не соглашаться, но нельзя не уважать его дѣльнаго, добросовѣтнаго труда, котораго продолженіе принесетъ несомнѣнную пользу индоевропейской филологіи.

Dichterkanon. Ein Versuch, die vollendetsten Werke der Dichtkunst aller Zeiten und Nationen, auszuzeichnen. Von Dr. *Neukirch*. (**Собрание Поэтовъ.** Опытъ исчисления совершеннѣйшихъ произведеній поэзіи всѣхъ временъ и народовъ. Доктора *Нейkirxa*). Кіевъ. 1853.

Характеристично второе заглавіе книги, на 71 стран., послѣ введенія: *Списокъ (Verzeichniz) важнѣйшихъ поэтовъ и поэтическихъ произведеній всѣхъ временъ и народовъ.*

Вѣрный заглавію, авторъ даетъ намъ дѣйствительно «списокъ», то есть несвязанныя ничѣмъ одна съ другою статейки о замѣчательныхъ, по его мнѣнію, поэтахъ. Мы не можемъ надивиться странной его прихоти: стараясь о полнотѣ книги, онъ не позаботился о единствѣ ея; собравъ всѣ нужныя, по его мнѣнію, для исторіи поэзіи свѣденія, онъ не захотѣлъ дать намъ исторію поэзіи, а бросаетъ лоскутки, связанные только нитками переплетчика. Желая показать, въ какой невообразимой степени безсвязны статейки г. Нейkirxa, выписываемъ его отдѣлъ о датскихъ поэтахъ:

«Датская поэзія получила высокое развитіе (положимъ, не очень высокое, потому что г. Нейkirxъ не считаетъ Ломоносова и Карамзина, занимающихъ такое же мѣсто въ русской литературѣ, какъ въ датской Гольбергъ, достойными особыхъ статей) только съ первой половины XVIII вѣка, къ была послѣ того обрабатываема многими замѣчательными талантами.»

Конецъ общему введенію! ни словечка, которымъ связывались бы слѣдующіи за нимъ четыре статейки:

«1. Гольбергъ. Людвигъ фонъ Гольбергъ родился въ Бергенѣ въ Норвегіи 1684 года; учился въ Копенгагенѣ; объѣхалъ большую часть Европы; послѣ былъ профессоромъ, сначала философіи, потомъ враснорѣчія и исторіи при Копенгагенскомъ университетѣ; получилъ баронскій титулъ и умеръ въ Копенгагенѣ въ 1764 году. Его должно признать истиннымъ творцомъ датской литературы. Лучше всего онъ въ своихъ комедіяхъ.»

Содержаніе трехъ комедій рассказываетъ. Статья кончается указаніемъ переводовъ Гольберга на нѣмецкій языкъ.

«2. Эленшлегеръ. Адамъ Готтлибъ Эленшлегеръ, по происхожденію родителя Нѣмецъ, родился» в т. д.

«3. Герцъ. Генрикъ Герцъ родился» в т. д.

«4. Андерсенъ. Гансъ Христіанъ Андерсенъ, сынъ бѣднаго сапожника, родился в т. д.

Что можетъ быть безсвязнѣе? И что мѣшало г. Нейkirxu прибавить подстранички о томъ, какъ развивалась датская повѣія, какимъ вліяніемъ она подвергалась, каковъ ея отличительный характеръ? Ничто не мѣшало! Ему просто не казалось это нужнымъ. Что мѣшало ему сказать, какое вліяніе имѣли предъдупціе датскіе поэты на послѣдующихъ? Ничто не мѣшало! Ему просто не казалось это нужнымъ... Странно, очень странно!

Авторъ хочогъ говорить о «поэтическихъ» произведеніяхъ. Изъ всего видно, что прозою написанныя произведенія кажутся ему несовсѣмъ заслуживающими титулъ «поэтическихъ». Нечего и говорить о томъ, какъ несправедливо такое понятіе. Оно заставило его пройти молчаніемъ Эзопа, Апулея и многихъ другихъ поэтовъ.

Онъ считаетъ ненужнымъ говорить о теоретикахъ, о волякихъ критикахъ,

вообще о людях, имѣвшихъ вліяніе на духъ поэзіи въ извѣстное время. Потому нѣтъ въ его сочиненіи даже Буало. Нельзя, впрочемъ, и упрекать его за *этого* недостатокъ въ частности: онъ только слѣдствіе общаго правила, принятаго г. Нейкирхоу — говорить о произведеніяхъ поэзіи, но обращая никакого вниманія на тѣ аціянія, подъ которыми образовались они. Ни слова не найдете вы у него о вліяніи на поэзію историческихъ событій и тому подобныхъ бездѣлицахъ. И не въ правѣ мы этому дивиться: такое пренебреженіе ко всему, что можетъ объяснить происхожденіе и смыслъ произведеній, о которыхъ говорится въ книгѣ, очень естественно со стороны автора, не подумавшаго о томъ, что сложенные божь цементъ кирпичи — не домъ, что бозевязный рядъ стаетекъ — во книга: куда ужъ думать о связи фактовъ, когда нѣтъ связи между словами!

Посмотримъ, до какой степени систематиченъ и полонъ въ принятыхъ авторомъ размѣрахъ списокъ его.

Въ отдѣлѣ *Индійцы* не говоритъ онъ о Ведахъ, можетъ быть, не считая ихъ поэтическимъ произведеніемъ. Но давно рѣшено, что религіозныя книги языческихъ народовъ составляютъ древнѣйшій и важнѣйшій памятникъ ихъ поэзіи. Точно такъ же въ отдѣлахъ *Персы* и *Арабы* не говоритъ онъ о Зенд-Авестѣ — пропускъ рѣшительно непростительный. Нѣтъ ни слова и о Моаллакатахъ, о которыхъ говорится даже въ *Исторіи* Смарагдава.

Но такой краткій списокъ, какъ *Dichterkanon*, могъ легко обойтись безъ малоизвѣстныхъ именъ Сомадовы-Батты, Низами, Амрильканса и Мотенебби.

Между греческими поэтами нѣтъ Гезіода, Эзопа, Анакреона, Сафо; зато есть Бабрій; зато возведены въ званіе поэтовъ — угадайте кто? Ксенофонтъ и Платонъ!

Между римскими поэтами нѣтъ Катутла (а двойникъ его, Тибуллъ, есть); нѣтъ Лукана и Апулея, нѣтъ Лувреція...

Ограничимся этимъ. Мы взяли для разбора отдѣлъ восточной и классической поэзіи, потому что здѣсь поэтическія репутаціи совершенно установлены, и при выборѣ именъ не остается мѣста произволу и развогласію. А между тѣмъ сколько тутъ произвола у г. Нейкирха, и какъ неудаченъ этотъ пронаволь!.. Не можемъ пропустить еще одной странности: г. Нейкирхъ почти нигдѣ не говоритъ о народной поэзіи. У него есть испанскія романсы, *Рейнеке-Фуксъ*, *Нибелунги* и *Оссіанъ*; но нѣтъ ни пол-слова объ *Эддѣ* и скандинавской народной поэзіи, о шотландскихъ балладахъ, новогреческихъ пѣсняхъ; нѣтъ ни слова даже о провансальской поэзіи, даже о гербскихъ историческихъ пѣсняхъ, которыя, по художественному достоинству, не уступаютъ гоморовскимъ, а возвышенностью содержанія далеко ихъ превосходятъ.

Но довольно о томъ, чего нѣтъ въ книгѣ г. Нейкирха; посмотримъ, какъ онъ говоритъ о тѣхъ поэтахъ, которые вошли въ его списокъ. Для примѣра беремъ двѣ статейки: одну, длинную, о Гете; другую, коротенькую, стоящую съ вѣю рядомъ, о Фоссѣ. Статьека о каждомъ поэтѣ начинается его коротенькою біографіею; за нею слѣдуетъ, или не слѣдуетъ (какъ вздумается автору) нѣсколько строкъ въ родѣ характеристики поэта; потомъ разсказывается содержаніе замѣчательнѣйшихъ его произведеній (важнѣйшая по объему часть въ книгѣ), и статьяека заключается указаніемъ нѣмецкихъ переводовъ, если поэтъ не нѣмецъ. Взглянемъ, какъ все это дѣлается.

Г Е Т Е.

«Йоганнъ Вольфгангъ фонъ Гете, сынъ вначительныхъ и почтенныхъ родителей, родился во Франкфуртѣ-на-Майнѣ въ 1749 году, учился въ Лейпцигѣ и Страсбургѣ юриспруденціи и другимъ наукамъ (что учился онъ юриспруденціи—свѣдѣніе ненужное, потому что изъ этихъ занятій никакого результата не вышло; что онъ учился в другихъ какимъ нибудь наукамъ—само собою разумѣется; слѣдовало сказать, чѣмъ занимался онъ преимущественно, или не говорить ничего); сдѣлавъ въ 1776 году легацион-сратомъ въ Веймарѣ (слѣдовало сказать, что онъ жилъ при веймарскомъ дворѣ, а не то, какую должность ему дали); въ 1779 году дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ сопровождалъ герцога Карла Августа въ путешествіи по Швейцаріи, гдѣ былъ, впрочемъ, уже прежде; сдѣлавъ въ 1782 году камер-президентомъ в возведенъ въ дворянское достоинство; объѣхалъ Италію до Сициліи въ 1786—1788 годахъ (это путешествіе важно, но важно по вліянію на поэтическую дѣятельность Гете, о чемъ здѣсь не упоминается); сопровождалъ герцога въ 1792 году на походѣ въ Шампань; жилъ съ 1794 г. въ дружбѣ съ Шиллеромъ; женился въ 1806 году на дѣвицѣ Вульпусъ (ненужно), матери его сына, Августа фонъ Гете (что это?), который 1830 года умеръ въ Римѣ великогерцогскимъ гофкаммерратомъ и камергеромъ (зачѣмъ это?); сдѣлавъ 1815 года первымъ государственнымъ министромъ; въ 1816 году лишился жены и умеръ въ 1832 году въ Веймарѣ, удалившись отъ государственныхъ дѣлъ съ 1828 года. Съ 1791 до 1818 по должности интенданта управлялъ придворнымъ веймарскимъ театромъ».

Можно ли набрать болѣе свѣденій, опустивъ всѣ главные факты? Такъ составлены всѣ біографіи у г. Нейкирха. Онѣ сухи и безсвязны до нельзя, и нѣтъ возможности прінекать въ нихъ что нибудь имѣющее связь съ поэтической дѣятельностью поэта. За біографіею Гете слѣдуетъ ого характеристика:

«Гете вслчайшій поэтъ Германіи, одинъ изъ вслчайшихъ поэтовъ міра. По геніальности и силѣ изобрѣтеній не равняется онъ со многими другими поэтами; вообще канвою своихъ произведеній онъ выбралъ событія изъ собственной жизни, или сюжеты, которые находилъ уже довольно подробно развитыми. Но не было другого поэта, умъ котораго былъ бы такъ всесторонне развитъ и образованъ, какъ умъ Гете. Оттого въ его сочиненіяхъ такое богатство мыслей, что его по преимуществу должно назвать писателемъ, изъ котораго можно научиться многому».

Но богатство мыслей найдется у всѣхъ великихъ писателей. Были поэты ученѣе самого Гете: не въ учености дѣло, а въ томъ, что, но увлекаясь до пристрастія ничѣмъ, Гете вполне сочувствовалъ всему, «что просить у сердца отвѣта». Ученость его была только слѣдствиемъ этого всеобъемлющаго сочувствія.

Вслѣдъ за тѣмъ, г. Нейкирхъ начинаетъ рассказывать содержаніе замѣчательнѣйшихъ и величественнѣйшихъ произведеній Гете, и прежде всего содержаніе первой части *Фауста*. Посмотрите, какъ оно рассказывается:

«Первая часть *Фауста* одно изъ замѣчательнѣйшихъ и величественнѣйшихъ произведеній во всемірной литературѣ. Герой этой драмы докторъ Фаустъ, жившій въ половинѣ XVI вѣка, котораго не должно смѣшивать съ типографщикомъ Фаустомъ или Фустомъ, жившимъ до него за столѣтіе (лишнее предостереженіе, умѣстное только въ подробномъ разсказѣ о матеріалахъ гетева *Фауста*). Докторъ Фаустъ, человѣкъ лѣтъ пятидесяти, врачъ и профессоръ, отличающійся многосторонними познаніями, но мучимый создашемъ ихъ ограниченности; вмѣстѣ съ этимъ любитъ онъ и земныя наслажденія, которыхъ ему удѣлено, по его мнѣнію, слишкомъ мало...»

Вы видите, что опущенъ прологъ; а въ этомъ прологѣ смыслъ всего *Фауста*: въ немъ тѣма; всѣ слѣдующія сцены только ея развитіе. Кромѣ того, Фаустъ вовсе

но особенный любитель сердечных или чувственных наслаждений. Такая черта в его характерѣ была бы неумѣстною прибавкою со стороны Гете. Въ томъ, какъ Фаустъ бросается въ чувственные наслаждения, какъ сильно закипаетъ въ немъ любовь, Гете выразилъ не случайную черту фаустова характера, а глубокую мысль. Фаустъ хотѣлъ, ограничась жизнью ума, подавить въ себѣ жизнь сердца—и Гете представляетъ его въ ту минуту, какъ заглушонный на время стремленія пробуждаются въ немъ съ неудержимою силою.

«Онъ ищетъ отрады въ магіи; ему является дугъ земли, неудовлетворяетъ однако его ожиданіямъ; и онъ, на пасхальную ночь, хочетъ превратить свое отчаянное состояніе, принявъ яду; какъ внезапно раздающееся пасхальное иѣние удерживаетъ его (какимъ же образомъ?). На пасху идетъ онъ съ тупоумнымъ своимъ фамулюсомъ Вагнеромъ прогуливаться (зачѣмъ же? что выражаетъ у Гете прогулка эта?); тутъ къ нимъ пристаеъ пудель и провожаетъ Фауста домой, тамъ принимаетъ человѣческой видъ и объявляетъ себя Фаусту «духомъ, вѣчно отрицающимъ.» духомъ зла, Мефистофелемъ, и говоритъ Фаусту: «Я буду служить тебѣ здѣсь, съ тѣмъ, чтобы ты былъ моимъ рабомъ тамъ.»—«Согласенъ, говоритъ Фаустъ, если ты доставишь мнѣ хоть нигъ полного удовольствія здѣсь.» Договоръ заключенъ. Съ презрѣніемъ къ прежнимъ стремленіямъ говоритъ Фаустъ: «бросимся въ шумный потокъ времени, въ пучину жизни.»

Гдѣ же тутъ связь? гдѣ смыслъ сцены? Кто узнаетъ *Фауста* изъ этого разсказа, почтетъ его бессмысленнымъ наборомъ фантастическихъ сценъ...

«И вотъ Мефистофель ведетъ Фауста въ буйно-веселую компанію Ауэрбахова погребца въ Лейпцигѣ, потомъ въ кухню вѣдьмъ, гдѣ онъ молсѣветъ отъ волшебнаго питья, имѣющаго притомъ такую силу, что Фаусту всякая женщина покажется красавицею» в т. д.

Вмѣсто прибавленія подробности о томъ, какъ Фаусту каждая женщина будетъ казаться красавицею—подробности только вводящей въ недоумѣніе насчетъ красоты Гретхенъ, надобно бы сказать, что Фаустъ, не нашедши покоя въ тихомъ кругу бюргеровъ, бросается въ буйную, грязную оргію (Ауэрбаховъ погребъ); но грязь эта противна его душѣ, и онъ ищетъ радости, удовольствія сердцу въ чистой, возвышенной любви — тогда было бы все связно и ясно; теперь же въ разсказѣ г. Нейкирха *Фаустъ* кажется безсвязенъ, произволенъ, нелѣпъ. Дальше разсказъ идетъ короче; но такъ же безсвязны, непонятны остаются въ немъ приключенія Фауста. Переходимъ прямо къ заключенію отдѣла о *Фаустѣ*, общему взгляду автора на его смыслъ:

«Все зло, въ которомъ становится виноватъ Фаустъ, совершаетъ онъ только послѣ упорной борьбы, и неудовлетворяясь тѣмъ, чего достигаетъ посредствомъ зла. Фаустъ и Мефистофель собственно составляютъ одно лицо; Мефистофель—олицетвореніе отрицающаго, злаго вачала въ Фаустѣ. И это одно лицо—Гете, который въ свою очередь является здѣсь представителемъ духа человѣческаго вообще. Цѣлое представляетъ борьбу живущихъ въ человѣкѣ высшихъ и низшихъ стремленій однихъ съ другими.»

Опять безсвязно, какъ будто бы это не отрывокъ изъ книги, а отрывокъ изъ конспекта или оглавленія!

Но Гете писатель глубокомысленный, *Фаустъ* вещь очень мудреная. Посмотримъ, какова статейка о Фоссѣ, поэтѣ неголоволомномъ.

Йоганнъ Гейнрихъ Фоссъ родился въ Звиммерсдорфѣ въ 1751 году, умеръ въ Гейдельбергѣ въ 1826 году. Онъ замѣчательнѣе, какъ филологъ, особенно какъ переводчикъ греческихъ и римскихъ писателей, нежели какъ творящій поэтъ (слѣдовало бы сказать, что Фоссъ перевелъ *Имаду*; правда и то, что его переводъ ужъ указанъ въ

статьё Гомеръ — что еще за повтореніа!). Важнѣйшее изъ его произведеній *Луиза*, сельская поема въ трехъ идилліяхъ, изъ которыхъ, вмѣстѣ съ обыденнымъ, тяжелымъ и ватянутымъ попадаетъ много истинно хорошаго. Лица, въ нихъ выводимыя: Луиза, ея отецъ, сѣдой восторъ въ Грюнау, вымышленномъ гольштинскомъ селѣ (удивительно какъ вужво знать намъ, что Грюнау село вымышленное!), ея мать и ея женнгъ, молодой богословъ Вальтеръ. Въ первой идилліи празднуется день рожденія Луизы, сначала обѣдомъ, потомъ прогулкою въ лѣсъ, гдѣ пьстъ кофе в ужвнאותъ. Во второй идилліи Вальтеръ, который былъ гувернеромъ, дѣлается пасторомъ, и приѣзжаетъ навѣстить свою невѣсту. Въ третьей Луиза выходитъ за Вальтера.»

Очень хорошо разсказано содержанію *Луизы!*

Выборъ сочиненій у г. Нейкирха такъ же произволенъ, какъ и подборъ поэтовъ. У г. Лесажа, напримѣръ, выставляеть онъ *Туркарё* и *Криспена*, забывая *Хромаго Бнса*; лучшею драмою Виктора Гюго называетъ *Эрнани* и т. д.

Странна до невозможности та щедрость, съ которою высчитываютъ г. Нейкирхъ переводы на нѣмецкій. Понятно, что можно и должно указать нѣсколько переводовъ Гомера, Шекспира, Байрона; но къ чему высчитывать дюжинные переводы новыхъ французскихъ и англійскихъ прозаиковъ — напримѣръ 4 перевода стернова *Сантиментальнаго Путешествія*, 6 переводовъ гольдсмитова *Векфильдскаго Священника*, по 3 перевода тэкереевыхъ романовъ, по 3 перевода романовъ и повѣстей Лосажа, Бернардэна-де-санъ-Пьера, Жоржа Занда, даже довольно жалкихъ романовъ Ферри и Луи Ребоа? Довольно было бы указать на лучшій, по мнѣнію автора, переводъ.

Г. Нейкирхъ написалъ свою книгу повѣмцкн.

Книга г. Нейкирха — серьезная книга, и потому не считаемъ приличнымъ смѣяться падъ удивительнымъ разглагольствованіемъ нѣсколькихъ нѣмцевъ и нѣиокъ въ началѣ книги о поэзіи, любви и т. п. Авторъ помѣстилъ этотъ діалогъ, дышащій простотою дѣтскихъ драмъ, въ видѣ «предисловія и введенія». Еслибъ книга была хороша, діалогъ этотъ не повредилъ бы въ нашихъ глазахъ ея достоинству, потому что мы обрѣзали бы его и переплели бы книгу отдѣльно. Теперь этого дѣлать не нужно.

Точно такое же забавное впечатлѣнію, нисколько неприличное ученой книгѣ, производитъ напечатанный въ началѣ книги, вмѣсто посвященія, советъ *Каролинъ* — *An. Karolinen*. Въ немъ авторъ напоминаетъ Каролинѣ, какъ «изъ устъ ея часто текли тоны, которые въ авторѣ создавали чудные міры и свивали вѣнки изъ золотыхъ учоній».

По доброму, старому обычаю, въ концѣ извлечомъ заключеніе изъ нашего разбора:

Люди, достойные всякаго уваженія, часто пишутъ плохія книги. Намъ хорошо извѣстно, что г. Нейкирхъ основательный и добросовѣстный ученый; всякій увидитъ доказательства ого учености на каждой страницѣ ого книги: а между тѣмъ книга у него вышла очень плохая. Какъ могло это случиться?.. Какъ могло случиться — не знаемъ; а что дѣйствительно такъ случилось, читатели могутъ видѣть изъ нашего разбора.